

При дворе Ван Чжэнь стоял во главе Приказа серебряных ассигнаций, сосредоточив в своих руках огромную власть. Тан Шэнь, будучи его младшим соучеником, тоже возвысился и снискал еще большее расположение Чжао Фу. Впрочем, Тан Шэнь оставался чиновником в должности чжуншу шэжэня под началом Сюй Би.

В тот день во Дворец Циньчжэн прибыл евнух с вестью: приближался день рождения императора, и Вдовствующая императрица передала Приказу ритуалов повеление как следует подготовиться к нынешнему Празднику Долголетия.

Министр ритуалов Мэн Лан принял указ, и весь двор погрузился в хлопоты.

Тан Шэнь, как чжуншу шэжэнь, по приказу Сюй Би приступил к проверке поздравительных докладов и подарков от провинциальных чиновников. Императорский подарок к дню рождения — это вам не простой презент в обычной семье. Чиновники из всех уголков страны, независимо от ранга и чина, обязаны были поднести свои дары. В подарках ценились три качества: изысканность, ценность и диковинность. Уж над одной только «изысканностью» чиновники сломали немало голов, не говоря о том, что подарок должен был быть еще и редким, и невероятным.

В скором времени к Тан Шэню хлынул поток поздравительных докладов. Чиновники расписывали свои поздравления пышными, витиеватыми фразами, но стоило взглянуть на приложенные подарки — нищета, да и только.

Чэнь Линхай, занимавший пост левого канцлера, также ведал делами Праздника Долголетия, поэтому Тан Шэню не удалось избежать общения с ним.

Чэнь Линхай позвал Тан Шэня в свой главный покой и спросил:

— Как продвигаются дела с поздравительными дарами от провинциальных чиновников в этом году?

Тан Шэнь попытался прикрыть сослуживцев:

— Отвечая Канцлеру Чэнь: чиновники из Хуси, Цзяннани, Бэйчжили и Наньчжили, Северо-Запада и других земель уже прислали доклады вместе с подарками. Господа из прочих областей тоже в большинстве своем отправили бумаги. Но те края расположены далеко от Шэнцзиня, подношения всё ещё в пути и пока не прибыли.

— Праздник Долголетия проходит из года в год, и мне отлично известно, как всё устроено.

Смысл этих слов был ясен: что могут прислать чиновники из глухих и бедных провинций? Не стоит лукавить, всем и так всё понятно.

Тан Шэнь с горькой ухмылкой ответил:

— Подчиненный всё ещё проверяет подношения.

Чэнь Линхай произнес:

— Не принимай это слишком близко к сердцу. Его Величество неустанно трудится с рассвета до забора, поглощенный государственными делами. Его пронизательный взор простирается над всей поднебесной, но всегда найдутся уголки, куда он не дотягивается. Главное, чтобы дары поступили на склад, а Его Величество прекрасно знает о тяготах и лишениях местных

чиновников и никогда не проявляет чрезмерной строгости.

Услышав это, Тан Шэнь тут же поклонился:

— Благодарю канцлера за наставление.

Чэнь Линхай улыбнулся и погладил бороду:

— Ты впервые занимаешься делами Праздника Долголетия и некоторых тонкостей не знаешь. Я лишь замолвил слово, ничего страшного. К слову, с твоим учителем мы ведь старые знакомые. Когда прежний император ещё восседал на престоле, я и Фу Сижу входили в число Четырех великих мужей эпохи. Ныне оглядываешься назад — а те времена всё еще перед глазами.

Тан Шэнь бесстрастно опустил глаза и произнес:

— Я слышал о Канцлере Чэнь от своего учителя. Он говорил, что Канцлер Чэнь более всего искусен в живописи цветов и птиц. Среди буйного цветения соревнующихся в красоте бутонов порхает живописная иволга — зрелище, вызывающее неизменный восторг.

Покинув покой Чэнь Линхая, Тан Шэнь вернулся в свои комнаты. Взгляд его едва заметно метнулся в сторону, но он не подал вида и спокойно продолжил сверять списки подарков, присланных иногородними чиновниками.

Более тридцати лет назад четырех глубоко уважаемых великих ученых поднебесная нарекла «Четырьмя великими мужами эпохи». Это были Чжун Тайшэн, Лян Бовэнь, Фу Сижу и Чэнь Вэйчжи.

Чэнь Линхай носил взрослое имя Вэйчжи, взятое из «Ши цзин», из строки «Сюань няо»:

«Земли на тысячи ли простираются, где народ поселяется, до самых четырех морей...»

Из этой четверки Чжун Тайшэн славился своими поразительными глубокими познаниями и пользовался всеобщим почитанием. Лян Бовэнь прославился своей начитанностью — его даже называли ходячим книжным шкафом Великой Сун. Фу Сижу был искусен в каллиграфии, а Чэнь Вэйчжи — в живописи. В те времена все четверо являлись самыми яркими и влиятельными сановниками при дворе. К несчастью, Чжун Тайшэн и Лян Бовэнь принадлежали к Фракции Сунцин, и после неудачного дворцового переворота навлекли на себя гнев Чжао Фу. В итоге за многие десятилетия уцелеть удалось лишь Фу Сижу и Чэнь Линхаю.

Тан Шэнь проявлял к Чэнь Линхаю повышенный интерес главным образом потому, что Сюй Хуэй, разбирая бумаги покойного Лян Суна, обнаружил тайное письмо Чэнь Линхая к Лян Суну. В нем Чэнь Линхай убеждал своего старого друга оставить мысли об освобождении Чжун Вэя из столичной тюрьмы: император ни за что не позволит Чжун Вэю покинуть застенки живым. То, чего не желал император, невозможно было совершить, сколько бы докладов ни писал Лян Сун и какие бы связи ни задействовал.

После того как Фракция Сунцин была собственноручно разгромлена Чжао Фу, среди влиятельных сановников Шэнцзиня лишь Фу Вэй и Чэнь Линхай протянули руку помощи Лян Суну.

Тан Шэнь вздохнул.

Благородный муж знает, что следует делать, а чего делать не стоит.

Неужели Лян Сун этого не понимал?

Делать то, что заведомо невыполнимо — в этом заключалась непреклонная вера Лян Суна и других великих мужей, их праведный путь!

В десятом месяце Академия Ханьлинь приступила к переработке «Истории министров Сун». Фу Вэй живо заинтересовался этим делом и каждый день отправлялся на службу в Академию Ханьлинь, постепенно всё больше погружаясь в работу. На шестой день месяца Тан Шэнь с пустыми руками прибыл в Резиденцию министра.

Управляющий дома Ван Чжэнь, увидав, что Тан Шэнь пришел без единого подарка, застыл от изумления и даже заглянул ему за спину.

— Молодой господин Тан пришел один? — удивился управляющий, не увидав позади никакой повозки.

В усадьбе Ван Чжэнь управляющий и слуги никогда не величали своего хозяина «господин министр», а называли исключительно «молодой господин».

Тан Шэнь со вздохом улыбнулся:

— Ничего не принес.

Управляющий на миг умолк и провел Тан Шэнь в дом.

Увидев, что Тан Шэнь явился с пустыми руками, Ван Чжэнь приподнял бровь и тоже бросил взгляд за спину соученика.

Тан Шэнь слегка покашлял:

— Старший соученик, хватит смотреть. Сегодня я пришел без подарков.

Ван Чжэнь повернулся к управляющему:

— Принеси календарь на этот год.

Управляющий тут же принес календарь. Ван Чжэнь долго листал его, а затем ткнул пальцем в иероглифы «шестой день десятого месяца» и обратился к Тан Шэню:

— Неужто я ошибаюсь? Младший соученик, разве шестой день десятого месяца — не день моего рождения?

Тан Шэнь:

— ...День вашего рождения, старший соученик.

Ван Чжэнь:

— Тогда в этом календаре кроется ошибка. Каждый год в первый день Нового года Астрономический приказ высчитывает календарь и оглашает его всей поднебесной. Не думал, что Господин Ли из Астрономического приказа способен допустить подобную оплошность. Завтра на утреннем приеме у государя я непременно выскажу ему всё, что думаю.

Тан Шэнь:

— ...

«Ван Цзыфэн, ну ты и мастак обиняками укорять за отсутствие подарка!»

Управляющий ушел, унося календарь, а Тан Шэнь слегка вспыхнул. За четыре года знакомства с Ван Цзыфэном он успел излить на него горы лести и изучил характер этого упрямого тигра от и до. Тан Шэнь фыркнул:

— Кто сказал, что я не приготовил подарок старшему соученику?

Ван Цзыфэн усмехнулся:

— И где же он?

Тан Шэнь:

— Несите бумагу и кисть, я напишу для старшего соученика картину!

Сдав экзамены в шестнадцать лет и получив звание таньхуа, Тан Шэнь обладал безупречными академическими знаниями — это была чистейшая Высшая степень «цзиньши цзиди». Однако в искусствах — игре на цитре, шахматах, каллиграфии и живописи — он был полным профаном и ничем не мог похвастаться. Едва Тан Шэнь заявил, что сотворит картину, Ван Чжэнь расплылся в ещё более широкой улыбке и тут же велел слуге-подмастерью приготовить четыре драгоценности письменного стола, с нетерпением ожидая, как Тан Шэнь станет его изображать.

Растерев тушь и обмакнув кисть, Тан Шэнь уставился на Ван Чжэня и принялся за работу.

Поначалу он взялся за кисть от обиды, желая доказать свою правоту. Но постепенно, мазок за мазком, он с головой ушел в процесс.

Спустя полчаса Тан Шэнь нанес последний штрих. Ван Чжэнь подошел ближе, некоторое время разглядывал рисунок, а затем поднял на него взгляд:

— И долго ты тренировался втайне?

Тан Шэнь беспомощно вздохнул:

— Старший соученик меня раскусил. В этот раз я ума не приложил, что подарить вам на день рождения. Долго думал и решил написать ваш портрет. В живописи я не силен, поэтому каждый день, возвращаясь со службы домой, представлял образ старшего соученика и делал по два наброска... Полмесяца тренировок — и вот, достиг такого уровня.

Ван Чжэнь был тронут. Его губы дрогнули, и он, что случалось крайне редко, не нашелся, что ответить.

Тан Шэнь добавил:

— Но на следующий год я уж точно не придумаю, какой подарок поднести. Если сделаю что-то не так, старший соученик, не обессудьте.

Ван Чжэнь весело и непринужденно отозвался:

— Да как я могу тебя винить?

Тан Шэнь подумал про себя: «Главное — запомни эти слова, я ведь заранее, за целый год, сделал тебе предупредительный укол!»

После ужина Ван Чжэнь произнес:

— Твоей технике живописи еще не хватает мастерства. Оставайся сегодня ночью, я дам тебе пару уроков.

Тан Шэнь мысленно завопил:

— Старший соученик, я три года назад стал таньхуа и давно уже не твой ученик!

— А кто сказал, что ты мой ученик? — вальяжно отозвался Ван Чжэнь. — Ты мой младший соученик.

Тан Шэнь:

— ...

Другие люди глубокой ночью ведут душевные беседы при свече у западного окна. А для Тан Шэня ночь превратилась в уроки живописи от Ван Цзыфэна!

Ну и что с того, что Ван Чжэнь прекрасно пишет картины? Тан Шэню-то какое дело! Он совершенно не способен был оценить тонкую красоту древней живописи в стиле сэ-и, а то, что ему удалось передать облик Ван Чжэня, уже стало пределом после полмесяца усердных тренировок. Как бы хорошо ни объяснял Ван Чжэнь, Тан Шэнь испытывал настоящую муку и в конце концов просто притворился сонным:

— Старший соученик, я хочу спать.

Ван Чжэнь невольно расхохотался.

Тан Шэнь воспользовался случаем, удрал в гостевой покой, захлопнул дверь и беззаботно заснул.

<http://bllate.org/book/18292/1754622>